

Плеханова Анна Максимовна

ЧАСТНАЯ ТОРГОВЛЯ В БУРЯТ-МОНГОЛИИ В УСЛОВИЯХ НЭПА: ОТ ЛЕГАЛИЗАЦИИ К ЛИКВИДАЦИИ

В статье анализируется процесс становления и развития частной торговли в Бурят-Монголии в период новой экономической политики: от легализации частного торгового капитала в условиях допуска рыночных отношений до его ликвидации при помощи экономических и административных мер к концу 1920-х гг.; показаны региональные особенности этого процесса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. III. С. 131-134. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(571.54)

В статье анализируется процесс становления и развития частной торговли в Бурят-Монголии в период новой экономической политики: от легализации частного торгового капитала в условиях допуска рыночных отношений до его ликвидации при помощи экономических и административных мер к концу 1920-х гг.; показаны региональные особенности этого процесса.

Ключевые слова и фразы: Бурят-Монгольская АССР; новая экономическая политика; торговля; частный капитал.

Анна Максимовна Плеханова, к.и.н., доцент

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
plehanova.am@mail.ru*

ЧАСТНАЯ ТОРГОВЛЯ В БУРЯТ-МОНГОЛИИ В УСЛОВИЯХ НЭПА: ОТ ЛЕГАЛИЗАЦИИ К ЛИКВИДАЦИИ[©]

В истории России периода новой экономической политики одной из главных является проблема взаимоотношений власти и частного капитала, под которым уместно понимать лица или организации, которые, как правило, используя наемный труд, занимаются производством товаров и услуг с целью получения прибыли, дохода (по терминологии тех лет – «наживы»).

Постановка этой темы не является новой и имеет в советской историографии свои традиции. В соответствии с ними до недавнего времени принято было считать, что к концу 1920-х гг. государство с помощью экономических мер воздействия, и частично административных, вытеснило частный капитал из экономики по причине того, что позитивные возможности его использования в условиях нэпа были исчерпаны [1; 7]. Нэпманы обвинялись в нежелании конструктивного сотрудничества, а политика властей выводилась из зоны критики. На наш взгляд, данное утверждение нуждается в пересмотре. И в современных условиях выработки новой концепции истории советского общества настойчиво делаются призывы к такому пересмотру, ведется конкретная исследовательская работа в этом направлении [5; 6; 10].

В Бурят-Монголии в период осуществления нэпа наряду с золотодобычей (в 1925 г. из 72 разрабатываемых месторождений арендаторами 62 золотоносных участков являлись частные предприниматели [4, с. 39]) сферами наибольшего приложения капитала частников были торговля и сырьевые заготовки. Частнособственническая промышленность ограничивалась лишь рядом мелких предприятий, среди которых можно отметить мыловаренный завод братьев Ицкович в Верхнеудинске производительностью 3000 пудов мыла в год при 7 рабочих и конфетно-шоколадную фабрику братьев Молдовар производительностью 1500 пудов при 5 рабочих [13, д. 96, л. 17 об.].

Период революционных потрясений в стране, в том числе и в Бурят-Монголии, хотя и нанес ощутимый удар по системе товарно-денежных отношений, но не смог прекратить товарные связи. Фактический материал свидетельствует, что через черный рынок шло не менее 50% продуктов. Отсюда нетрудно определить и тенденцию развития рынка – он «напрашивался» на легализацию.

В. И. Ленин, внося на X съезде РКП(б) предложение о переходе к новой экономической политике, признавал, что «лозунг свободной торговли будет неизбежным», поскольку он «отвечает экономическим условиям существования мелкого товаропроизводителя». Однако документ, принятый делегатами партийного съезда, был, скорее, выдержан в духе бартерного обмена: разрешался обмен оставшегося у крестьян после сдачи продналога продовольствия на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности, но только «в пределах местного хозяйственного оборота».

Товарообменные операции в стране, в том числе и в Бурят-Монголии, протекали неудовлетворительно, главным образом вследствие нехватки промышленных товаров. В отчете уполномоченного Бурят-Монгольского областного торгового бюро по Аларскому аймаку отмечалось, что «работа по товарообмену не была налажена, не было твердого аппарата, многие лавки были закрыты. Приходилось открывать лавки и пускать товар на обмен. Спекуляция развевывалась сильно, много ездит мешочников. Крестьяне охотно везут хлеб в обмен на товары, но товаров – большой недостаток» [16, с. 45].

К 1922 г. стало ясным полное фиаско прямого продуктообмена, который явочным порядком превратился в привычную для населения куплю-продажу. «С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная торговля» [9, с. 208], – откровенно признавал Ленин. Тем не менее на известном рубеже организация товарообмена дала положительные результаты: легализовался частный торговый сектор, стала создаваться сеть государственной и кооперативной торговли.

Становление и развитие торговли в Бурятии протекало достаточно сложно, что было связано, во-первых, с тяжелым хозяйственным разорением края, голодом; во-вторых, в силу историко-географических особенностей региона: отсутствие развитой железнодорожной сети, обширность территории при малой заселенности, слабые коммуникативные связи в условиях разряженной дисперсной зоны, отдаленность отдельных районов от снабжающих баз и затруднительность сообщения с ними при отсутствии дорог. Кроме того, в

связи с продолжавшейся до ноября 1922 г. интервенцией на Дальнем Востоке территория Бурятии входила в состав двух государственных образований: западные аймаки – в состав Бурят-Монгольской автономной области РСФСР, восточные – Бурят-Монгольской автономной области ДВР, где первоочередной для Советской власти была военно-политическая задача освобождения края от интервентов и белогвардейцев. Тем не менее рыночный характер нэпа в Бурят-Монгольских областях проявился наиболее ярко именно в активизации частного торгового капитала, успешному ходу операций которого способствовало его умение быстро находить пути к деревенскому покупателю. Организация торгового дела не требовала больших капиталовложений и позволяла достаточно быстро не только вернуть вложенные средства, но и получить прибыль. Кроме того, в этой сфере невелика была, особенно в начале нэпа, конкуренция со стороны государственной и кооперативной торговли. В результате к 1923 г., к моменту образования Бурят-Монгольской республики, торговля в основном находилась в руках частных торговцев. Удельный вес частной торговли составлял 81,4% общего розничного товарооборота [18, с. 28].

К концу 1924 г. в Бурятии насчитывалось 1008 торговых заведений, из них 83 государственных, 133 кооперативных и 792 частных. Однако, несмотря на численное превосходство в торговой сети, удельный вес частной торговли в розничном товарообороте снизился до 42,9% [13, д. 341, л. 218]. Если в 1922-1923 гг. доля участия частного капитала в торговом обороте Верхнеудинского рынка выражалась в размере 81,3%, а госторговли и кооперации – 18,7%, то в 1923-1924 гг. положение резко изменилось: частный капитал смог удержать в своих руках лишь 40,3% общего товарооборота, тогда как обороты обобщественного сектора возросли до 59,7% [11, д. 448, л. 9]. Тем не менее частный торговый капитал (слабый в дореволюционной экономической модели, еще более ослабленный в результате социальных потрясений начала XX в.) в первый год существования БМАССР играл доминирующую роль. Так, торговля мясом на 80% была сосредоточена в руках частных торговцев, фуражом – на 90% [3, с. 203].

Интересно, что выпускаемые популярные брошюры вполне правильно разъясняли населению, почему «мы терпим этих частных торговцев, если у нас есть своя кооперация, своя государственная торговля». Товар, проходя через сложный путь кооперативных инстанций (Центросоюз, губсоюз, райсоюз, сельское потребительское общество), становился в 5, а то и в 7 раз дороже, чем крестьянину было не по карману. Поэтому приходилось обращаться к частнику, которому «не нужны были конторы и служащие... В кооперативе или нет товаров, или дорого. А у частника все есть, и купить можно было сравнительно дешево...» [8, с. 3]. Помимо этого, частник по опыту и умению реагировать на конъюнктуру рынка намного превосходил государственных и кооперативных служащих, которым еще надо было учиться торговать.

По мере увеличения товарооборота стала чувствоваться необходимость создания регулирующего органа, концентрирующего в себе спрос и предложение. В результате 27 октября 1923 г. в республике была учреждена Товарная биржа. Частные торговцы вначале относились к бирже недоверчиво, но постепенно они начали втягиваться в биржевые торги. На 1 октября 1924 г. участниками биржи были 17 государственных организаций, 6 кооперативных и 14 частных [3, с. 201].

Важной формой общественной самостоятельности в 1920-е годы были ярмарки, поддерживающие меновые связи между отдельными экономическими районами. Через ярмарки и базары проходила значительная часть торгового оборота. Так, оборот наиболее крупной Верхнеудинской ярмарки в 1924 г. составлял 950 370 р., в 1925 г. – 1 349 274 р. [4, с. 77]. Среди участников ярмарок были частные торговцы, кооперативы, госторговые организации. Внешне конкуренция между ними отсутствовала, но фактически преимущества в доходах были у частника, его накладные расходы были доведены до минимума. Умело ориентируясь в рыночной конъюнктуре, частники не имели серьезных конкурентов в лице госорганов и кооперации. Помимо этого, цены на товары у частных торговцев были намного ниже, чем в кооперативах. Так, если в кооперативе аршин русского ситца стоил 55 коп., то у частника аршин далембы, по прочности превосходящей ситец, стоил 32 коп. [3, с. 355].

В период нэпа частные торговцы играли активную роль на заготовительном рынке республики, создавая серьезную конкуренцию государственным и кооперативным организациям и вызывая тем самым рост закупочных цен. Большевицкое руководство попыталось остановить рост цен на сырье с помощью введения уже весной 1924 г. обязательного для государственных и кооперативных организаций максимального предельного уровня – лимита. Однако в условиях, когда как заготовители, так и производители исходили в своей деятельности из коммерческой целесообразности, навязываемые сверху лимиты не соблюдались. Закупочные цены формировались преимущественно в зависимости от соотношения спроса и предложения, складывающегося на рынке. Тогда власть еще более усилила директивное регулирование процессом заготовок сельскохозяйственной продукции. Для преодоления «вредной конкуренции, ажиотажа, бессистемности, бесплановости на заготовительном рынке» СНК Буреспублики постановлением от 10 октября 1924 г. признал основными заготовителями только государственные и кооперативные организации [14, с. 10-11]. Заготовители взяли на себя обязательство осуществлять заготовки только через свои отделения, агентства и уполномоченных. Заготовка продукции через частных посредников и от частных скупщиков категорически запрещалась. Оставшиеся на рынке заготовители по указанию Бурвнутторга заключили между собой конвенцию о соблюдении предельного уровня закупочных цен. Связанные конвенцией государственные и кооперативные заготовители не смогли конкурировать с частными фирмами и торговцами, которые, не имея ценовых ограничений, предлагали производителям более высокую закупочную цену, что позволяло им снимать до 50% всего рыночного предложения сырья. Условия закупки у частных заготовителей были

более заманчивые еще и потому, что они давали до 80% деньгами и 20% товарами, тогда как кооперативные и государственные организации, наоборот, только 20% деньгами. На ненормальность данного положения указывалось в многочисленных отчетах. Например, в докладе «Об итогах заготовительной кампании в сезон 1923-1924 гг.» отмечено, что «...в условиях Бурреспуублики при близости монгольской границы лимитные цены связывали основных заготовителей и давали полную возможность частнику, незначительно повышая цену, снимать с рынка нужную для него продукцию, не боясь конкуренции со стороны плановых организаций» [17, д. 583, л. 243].

Подобная ситуация была признана соответствующими государственными органами недопустимой, в результате чего был предпринят ряд жестких административных мер борьбы с частным капиталом. Так, если удельный вес кредитования частных лиц и учреждений в декабре 1923 г. составлял 24%, то в сентябре 1924 г. – всего 1,9% [3, с. 218]. С 1927 г. Госбанк совершенно прекратил кредитование частной клиентуры. Значительно был усилен налоговый пресс на частных предпринимателей. В 1926 г. ставки налога в отношении владельцев и совладельцев торговых предприятий были повышены с доведением прогрессии до 45%, в то время как государственные и кооперативные организации должны были выплачивать 8% [4, с. 47]. В совокупности с повышением размеров местных сборов данная налоговая практика привела к тому, что в 1928/29 гг. процент налогового изъятия с частнокапиталистических торговых предприятий составил 95% от суммы всего чистого дохода [2, с. 92]. И даже пеня за несвоевременную выплату налогов с государственных и кооперативных предприятий вычислялась в размере 0,1%, а с частных предприятий и лиц – 1,3%. Подобный налоговый пресс вызвал ответную реакцию частных предпринимателей, выразившуюся, прежде всего, в активном уклонении от налоговых выплат путем сокрытия оборотов предприятий, в росте недоимок налоговых поступлений по частному сектору. Так, в 1925/26 гг. за уклонение от регистрации плательщиков подоходного налога было подвергнуто штрафу 1078 человек, жалоб и возражений на неправильное исчисление налога было подано от 507 частных предприятий и лиц [19, с. 8].

Началом окончательной ликвидации частного капитала стали трудности в проведении хлебозаготовок 1927/28 гг. Местным органам власти предписывалось в обязательном порядке привлекать к уголовной ответственности по статье 107 Уголовного кодекса за спекуляцию продуктами сельского хозяйства. При этом поводом к аресту и конфискации имущества могли служить не только скупка хлеба и других дефицитных товаров в пределах, превышающих потребности индивидуального хозяйства, но и даже факт наличия в магазине большого количества товаров. В результате неуклонно стало сокращаться количество частных торговых точек: с 1004 в 1925-1926 гг. до 232 в 1927-1928 гг., причем действующих в основном в отдаленных сельских местностях [17, д. 562, л. 336].

Сравнительно незначительной оказалась роль частника на рынке Бурятии к концу нэпа. Если удельный вес частной торговли в розничном товарообороте страны в 1925 г. составлял 42%, а в 1928 г. – 20% [5, с. 164], то в Бурятии соответственно 17,4 и 8,4%. К 1929 г. в Бурятии не было ни одного крупного частного магазина, удельный вес частной торговли в товарообороте республики составлял 5,8% [15, с. 49].

Таким образом, если в большинстве регионов страны наиболее благоприятным периодом деятельности частного капитала в торговле были 1924-1926 гг. (до этих лет частник «набирал силы», после – шло «затухание» его активности), то в Бурятии наибольшая активность частных торговцев была заметна до 1924 г. На протяжении 1924-1926 гг. частный капитал значительно уступил свои позиции государственной и кооперативной торговле, хотя продолжался его абсолютный рост как по количеству торговых предприятий, так и по объему товарооборота. Следовательно, Бурятия к концу 1920-х гг. была районом, где позиции частного капитала в торговле были подорваны значительно сильнее.

Анализ причин резкого сокращения частного предпринимательства показывает, что уже с 1924 г. начинается переход от экономических методов государственного регулирования частной торговли к ее вытеснению и ликвидации к концу 1920-х годов административными мерами. Данное обстоятельство не только деформировало рыночный процесс, но и вело к разрушению хрупкой системы хозяйственных связей, к ухудшению качества жизни населения. В 1920-е гг. рынок Бурятии испытывал систематическое недоснабжение по целому ряду товаров. В 1925-1926 гг. потребности населения в хлопчатобумажных тканях были удовлетворены на 75%, в металлоизделиях – на 60%, в чае – на 40% [4, с. 76], в 1927-1928 гг. – 50; 62,1; 39,5% соответственно [17, д. 562, л. 337].

Таким образом, анализ опыта новой экономической политики выявляет прецедент грубого отношения власти к частному капиталу, период легальной деятельности которого оказался чрезвычайно кратковременным. Институциональная незащищенность частных торговцев не позволила раскрыться предпринимательскому потенциалу республики. К концу 1920-х гг. под давлением административных мер (недостаток оборотных средств, высокие налоги, социальная дискриминация, проблемы со снабжением) частный торговый бизнес был практически ликвидирован.

Жесткий контроль всех составляющих рыночного процесса (опт, розница, ценообразование, кредитование, налогообложение), преференции государственно-кооперативному и ущемление частного секторов – факторы, не только разрушившие хрупкую систему хозяйственных связей, но лишившие страну выбора наиболее эффективного способа экономического развития. Опыт нэпа доказывает, что степень и пределы вмешательства государства в экономику должны определяться и корректироваться собственно рыночным процессом, все участники которого должны выступать равноправными партнерами.

Список литературы

1. **Архипов В. А., Морозов Л. Ф.** Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле: 20-е – начало 30-х гг. М.: Мысль, 1978. 263 с.
2. **Бурят-Монгольская АССР за десять лет.** М. – Иркутск: ОГИЗ, 1933. 136 с.
3. **Бурят-Монгольская АССР: очерки и отчеты: 1923-1924.** Верхнеудинск: Госплан БМ АССР, 1925. 380 с.
4. **Бурят-Монгольская АССР: очерки и отчеты: 1925-1926.** Верхнеудинск: Госплан БМ АССР, 1927. 224 с.
5. **Грик Н. А.** К вопросу о роли насилия в становлении советской торговой политики: 1921-1933 гг. // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории XIX – I трети XX вв. Томск, 1994. С. 155-165.
6. **Демчик Е. В.** Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул: Алтайский госуниверситет, 1998. 238 с.
7. **Дудукалов В. И.** Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства: 1921-1928. Томск, 1978. 220 с.
8. **Евсеев Я.** Как мы учимся торговать. М. – Л., 1925.
9. **Ленин В. И.** Доклад о новой экономической политике // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44.
10. **Литвина В. И., Агалаков В. Т.** Частное предпринимательство в Восточной Сибири на исходе НЭПа // Россия нэповская: политика, экономика, культура. Новосибирск, 1991. С. 154-157.
11. **Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ).** Ф. 1. Оп. 1.
12. **Там же.** Ф. 475. Оп. 1.
13. **Там же.** Ф. 753. Оп. 1.
14. **О сырьевых, мясных и хлебоготовительных операциях в Буреспублике:** постановление СНК БМАССР № 121 // Бюллетень ЦИК и СНК БМАССР. 1924. 10 октября. № 22.
15. **Отчет правительства Бурят-Монгольской АССР: 1928-1930 гг.** Верхнеудинск: Изд. ЦИК и СНК БМ АССР. 96 с.
16. **Потапов М. Ф.** Иркутские большевики в борьбе за восстановление хозяйства: 1921-1925 гг. Иркутск: ОГИЗ, 1949. 166 с.
17. **Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).** Ф. 17. Оп. 21.
18. **Социалистическое строительство в Бурятии за 10 лет.** Верхнеудинск, 1933. 149 с.
19. **Финансовое положение Буреспублики: годовой отчет БНКФ за 1925-1926 гг.** Верхнеудинск, 1926. 62 с.

**PRIVATE TRADE IN BURYAT-MONGOLIA UNDER THE CONDITIONS OF NEW ECONOMIC POLICY:
FROM LEGALIZATION TO LIQUIDATION**

*Anna Maksimovna Plekhanova, Ph. D. in History, Associate Professor
Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetan Studies
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
plehanova.am@mail.ru*

The author analyzes the process of the formation and development of private trade in Buryat-Mongolia during the period of new economic policy: from the legalization of private trade capital under the conditions of market relations admission till its liquidation by means of economic and administrative measures by the end of the 1920s and shows the regional features of this process.

Key words and phrases: Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic; new economic policy; trade; private capital.

УДК 101.1:316

В статье проводится анализ теоретических оснований такого феномена, как универсальная история, определены границы и смысловое наполнение соответствующего понятия в современных условиях его частого и многозначного употребления. Также рассмотрен комплекс факторов и предпосылок, определяющих сценарии трансформации универсально-исторической перспективы в наши дни.

Ключевые слова и фразы: универсально-историческая размерность сознания; универсальная история; субстанциональная метафизическая установка; глобализация; глобальная история; метанарратив.

Максим Анатольевич Поночевный

Кафедра социологии, истории и политологии

Технологический институт Южного федерального университета

ponochevny8tg@mail.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РАЗМЕРНОСТИ СОЗНАНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: УСЛОВИЯ, ПРЕДПОСЫЛКИ И СЦЕНАРИИ[©]**

Историческое сознание выполняет важнейшую онтологическую функцию, оно связывает воедино прошлое, настоящее и будущее, поддерживает неразрывность постоянства и изменения, бытия и становления.